

Сто чудес

Автор:

[Венди Холден](#)

Сто чудес

Венди Холден

Зузана Ружичкова

Холокост. Палачи и жертвы

Книга воспоминаний известной клавесинистки, пережившей Освенцим, а затем и репрессии послевоенной Чехословакии. Тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, позволила пережить страсть Зузаны к музыке и преподаванию.

Зузана Ружичкова, Венди Холден

Сто чудес

Процесс создания этих мемуаров был необычным и сложным. Зузана никогда не отказывалась от интервью, она давала их при личной встрече, по телефону, на видео, при съемках документальных фильмов, для теле- и радиопрограмм, на разных языках: по-чешски, по-немецки, по-французски и по-английски.

Когда мне предложили соединить все эти интервью в единый текст воспоминаний, я отправилась в сентябре 2017 года в Прагу. Я беседовала с Зузаной Ружичковой уже сама, разговаривали мы у нее дома, за две недели до ее смерти. Беседы длились по нескольку часов, мы сидели в старомодной квартире Зузаны или в ресторане поблизости, и хотя она, в свои девяносто, уставала, но отвечала на все мои вопросы, занимавшие много страниц. Если она не могла вспомнить конкретной детали – имени или даты, – она просила меня

найти их. На прощание она пожала мне руку и поинтересовалась, все ли необходимое у меня теперь есть. Я кивнула, но пообещала приехать еще через несколько месяцев. Зузана улыбнулась и поцеловала меня. Больше нам встретиться не довелось.

После внезапной смерти Зузаны все, имевшие отношение к созданию этой книги, заволновались, достаточно ли у меня материала. Ее родственники и друзья выражали надежду, что проект все же будет доведен до конца. Просмотрев все собранное, я с радостью сообщила издателям и близким Зузаны, что это возможно. Ружичкова говорила на почти безупречном английском, и удивительная история жизни этой женщины дана здесь почти без правок. Ее рассказы о прошлом на протяжении многих лет совпадали друг с другом почти дословно. Конечно, кое-что с возрастом она стала все же забывать. В каких-то интервью у нее не получалось восстановить те или иные эпизоды, в других Зузана рассказывала о том же самом с замечательной ясностью. При нестыковках я полагалась на наиболее связные повествования и устанавливала точную последовательность событий, пользуясь письмами Зузаны, ее эссе, текстами статей и речей, дневником, который она вела в Освенциме, и другими историческими документами. Я прибегала и к свидетельствам тех, кого объединял с Зузаной общий опыт времен войны и кто мог прояснить некоторые моменты, непонятные для непосвященных.

Было очень непросто сплести в единое целое данные многочисленных интервью, немалая часть которых нуждалась в переводе. Я остаюсь в долгу у всех, кто беседовал с Зузаной Ружичковой до меня, у историков, работников архивов, авторов документальных фильмов, друзей Зузаны, ее родственников и музыкантов из разных стран мира. Каждый из них проявил большое терпение, помогая мне. Все события и обстоятельства изложены в этой книге так, как запечатлелись они в памяти самой героини. Я лишь соединила отдельные сведения в сплошной текст и надеюсь, что Зузана одобрила бы результат.

Она стремилась выступить в роли свидетельницы прошлого. Не только военных лет, но и последующих десятилетий, тоже очень тяжелых. Для меня всегда будет примером храбрость Зузаны, ее способность сохранять стойкость в страданиях, при столкновениях с предрассудками и враждебностью.

Несмотря на все испытания, Зузана Ружичкова не утратила бодрость духа. Она хотела поведать миру о том, как музыка и любовь ее матери и мужа исцеляли ее после страшных ран войны. Мне выпало огромное счастье исполнить ее

желание.

Венди Холден

Лондон, 2018

Зузана: краткий очерк

ЗУЗАНА РУЖИЧКОВА – необыкновенное явление. В ее жизни все примечательно. Зузана была единственным ребенком у родителей, владевших магазином игрушек в Пльзене. И прямо из благополучного детства она вдруг попала в концлагеря Терезин, Освенцим (Аушвиц) II-Биркенау и Берген-Бельзен.

Затем – чудесное избавление и возвращение к игре на любимом фортепьяно, несмотря на изуродованные тяжелой работой руки. Открытие для себя клавесина и международный титул «первой леди» этого инструмента, возвращенного ею в современные концертные залы. Легендарные выступления с Вацлавом Нойманом, Йозефом Суком, Яношем Старкером, Пьером Фурнье, Орель Николет и Жан-Пьером Рампалем и бесчисленные записи, среди которых особо выделяется – и до сих пор остается единственным – собрание произведений И. С. Баха для клавишных.

Все это хорошо известно, поэтому я лишь добавлю некоторые личные воспоминания, относящиеся ко времени, когда, после падения прежнего режима, я встретился с Зузаной благодаря сотрудничеству, ставшему дружбой, с ее мужем Виктором Калабисом. В том возрасте, когда у других карьера близится к завершению, Зузана прекрасно адаптировалась к новым условиям и с большой энергией приняла на себя новые обязанности. Помимо работы в пражской Академии исполнительского искусства на факультете музыки и танца она самоотверженно участвовала во множестве благотворительных организаций, активно трудилась в художественном совете Чешского общества камерной музыки и председательствовала в Кружке друзей музыки, основала фонд пожертвований для поддержки интересных долгосрочных проектов. Вдобавок продолжала выступать на сцене и записываться. А еще отважно сражалась с лейкемией. Однако на нее сильно повлияла смерть ее дорогого супруга Виктора

в 2006 году. В последний год его жизни она прекратила выступления и целиком посвятила себя уходу за ним. На следующий день после его ухода она сказала мне:

- Теперь я потеряла всё – и Викторика, и музыку.

Необязательно даже вспоминать о ее судьбе в военные и послевоенные годы, чтобы понять, каким мужеством и какой позитивной энергией обладала Зузанка. В 2009 году в пражской больнице «На Франтишку» со сломанной ногой она с энтузиазмом и радостью сообщила мне, что за год состоялось 62 концерта, на которых исполнялась музыка ее покойного мужа. Она присовокупила с характерным для нее юмором:

- Сейчас он смотрит сверху и смеется, видя, как я с больничной койки занимаюсь его делами.

Она занималась популяризацией музыки Виктора столь увлеченно, что совершенно забыла о себе самой, о собственной роли в музыкальной жизни второй половины XX столетия. Ее изумило и обрадовало, когда СМИ разных стран написали о ее 90-летнем юбилее, особенно СМИ тех стран, где она регулярно давала концерты на протяжении полувека. На юбилей по инициативе и под кураторством Махана Эсфахани компания «Уорнер Класикс» выпустила великолепно подготовленное переиздание ее записей полного собрания баховских произведений для клавишных. Тогда я увидел, как тяжело ей дались последние десять лет, проведенные не только без Виктора, но и без концертной деятельности, и как сильно Зузану волновало, что будет забыт ее революционный, неортодоксальный подход к трактовкам барочной музыки, вызвавший много споров с главными фигурами так называемой аутентичной трактовки.

Если вкратце и совсем просто, то Зузана считала чем-то само собой разумеющимся тщательную подготовку, состоящую в изучении источников и основной музыковедческой литературы, но эти познания не были для нее как для исполнителя законом, сводом предписаний, указывающих на единственную возможную трактовку. Она не признавала школ, исповедующих догматические принципы и воспитывающих исполнителей, не отличимых друг от друга. То же касалось и выбора инструмента. Всю жизнь Зузана сражалась за современный клавесин, за производство новых инструментов в наши дни, за то, чтобы выволить клавесин из гетто «старинной» музыки и застоя в методах его

изготовления.

Она использовала резонатор, выступая с оркестром в больших залах, чтобы уменьшить дистанцию между сольным голосом клавесина и звучанием оркестра. В том, что касается такого подхода, который называют «романтизирующим», хотя разумнее было бы называть его «индивидуализирующим» или «различительным», она подняла настоящий бунт. Тут, вероятно, сыграло свою роль и то, что она прекрасно умела обращаться с фортепьяно, поскольку играла на нем до конца 1950-х и долго еще исполняла фортепьянные концерты параллельно с карьерой клавесинистки. Она даже иногда меняла один инструмент на другой прямо на сцене!

Ей не хотелось, чтобы ее воспринимали только в рамках «старинной музыки», поэтому и считала эзотерический подход к исполнительской трактовке, установившийся в 1960-е, ограничивающим возможности. Она сравнивала свой метод с методом исполнения шекспировских ролей Лоуренсом Оливье: он изучал историческую канву, играл в точном соответствии с оригинальным текстом и в костюмах того времени, но не возражал против использования современных технических средств. То, что юбилейное переиздание Баха напомнило о ее методе, внушило ей чувство удовлетворения и гордость, но не своей славой, а еще одним шансом вернуть клавесину значимость для современной стилистики и репертуарный охват, восстановить клавесинную музыку в правах среди прочих жанров.

С моей точки зрения, уникальность Зузаны заключается в сочетании природного оптимизма и приобретенного за долгую жизнь скептицизма. Она воплотила в себе образ «выжившего», но выжить для нее – только необходимое условие для осмысленного существования. И в этом отношении память о Зузане продолжает вдохновлять всех нас, знавших ее.

В шестидесятых ее знаменитый ученик Кристофер Хогвуд сказал ей: раз мы можем путешествовать в пространстве, значит, можем и во времени. Для меня – великая честь пропутешествовать вместе с Зузаной в этом пространстве и времени более двадцати лет. Я видел ее окруженной любовью друзей, которые называли ее не иначе, как Зузанка, и даже сегодня не произносят без улыбки это имя, потому что помнят, каким чудом была она сама.

Зузана доказала, что, даже несмотря на войну, Холокост и коммунистический тоталитаризм, можно прожить наполненную радостью и значением жизнь

благодаря усердной работе и душевной силе.

Алеш Бржезина

Директор Института Богуслава Мартину

Прага

1. Восточный блок, 1960

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, товарищ! – тепло приветствовал меня директор по культуре в отдаленном трансильванском городе Сибиу. – Тысяча благодарностей за ваш приезд. Нам не терпится вновь услышать вашу игру».

Стояла зима 1960 года, и добрая часть дня ушла на дорогу из Киева. Когда я наконец добралась сюда одна, после полета до Бухареста и потом на поезде, приводившемся в движение старинным паровозом, я чувствовала усталость и страшный голод.

Мой минувший тур с концертами по заводам, верфям, школам, училищам и административным учреждениям – десятый тур за этот год – был особенно тяжелым из-за холодов на Украине, в России и Польше. В частности, я столкнулась с трудностями в Киеве, где странный директор филармонии едва не оставил меня без гонорара. Я жаждала вернуться домой, к семье, в Прагу, сыграв последний концерт здесь, в Сибиу, для представителей власти.

Я знала по прошлым приездам, что размещение и питание окажутся примитивными. К счастью, у меня в чемодане было немного салями, жестянка сардин и запас русских сигарет.

Из всех стран Восточного блока, где я должна была выступать при социалистических режимах, Румыния едва ли не больше всех страдала от нищеты и царившего чувства отчаяния. Люди в этой бывшей венгерской провинции были ужасно измучены правлением президента Георгиу-Дежа и старшего министра Николае Чаушеску, здесь еще больше ощущалась

изолированность от внешнего мира, чем в Чехии.

Но директор по культуре в Сибиу, уstraшенный прибытием музыкантши в рамках государственной программы, как-то всегда умел ободрить меня – настолько благодарен он был за то, что я опять не обошла вниманием этот город.

«Для вас все готово в вашем жилище», – уверил он меня теми же словами, которым я радовалась во время первого посещения Сибиу несколько лет назад, пока не попала в нетопленую комнату. Метель предвещала холодную ноябрьскую ночь, и я предвкушала, что мне придется спать в пальто.

Исполнение старинной музыки следующим вечером должно было происходить в здании кинотеатра. Я не ждала многого от концерта с участием местных музыкантов, но знала, что отклик зала будет искренним и сердечным.

Задолго до того, как я натянула зеленое бархатное вечернее платье, заказанное мамой у своей портнихи, меня провели по городу, сфотографировав с партийными чиновниками на фоне главного административного здания. Затем следовали визиты в школы и на заводы. Школьники всегда были самыми восприимчивыми, особенно те, кто сам хотел заниматься музыкой. Они смотрели на меня как на знаменитость.

В одном из классов я разговаривала с детьми, которым было столько же лет, сколько мне, когда Гитлер захватил Чехословакию, – двенадцать. Как и всегда, я стремилась поделиться любовью к музыке и глубокой увлеченностью Иоганном Себастьяном Бахом. «В восемь лет, едва услышав Баха, всего, я полюбила его», – рассказывала я. Отвечая на вопросы, объясняла, и почему я посвятила жизнь музыке, и почему перешла от фортепьяно к клавесину: «Некоторые люди считают, что клавесин принадлежит эпохе феодализма, что он – деревянное изделие XVI века, которому место в музее, но для меня клавесин очень даже живой инструмент. Свои ранние клавишные произведения Бах сочинил для клавесина, и треть его огромного наследия – клавесинная музыка, часто с указанием, на каком именно клавесине нужно играть. Чтобы исполнение было аутентичным, соответствовало замыслу Баха, я и играю его сочинения на клавесине».

Один любопытный ребенок поднял руку и спросил: «А что такого в Бахе? Почему не Бетховен, например?»

Я улыбнулась: «Бетховен грозит кулаком небу, – и сделала соответствующий жест. – А в музыке Баха – высшая радость жизни и одновременно ее великая печаль. Чувствуешь глубокий смысл человеческого существования».

Вернувшись к себе в комнату, чтобы подготовиться к концерту, я зажгла сигарету и вдруг услышала стук в дверь. Консьержка, которая должна была следить за мной и сообщать обо всем необычном, пришла сказать, что мне звонят.

Встревоженная, я поспешила к ней в комнату и взяла в руки трубку. И едва не уронила ее, услышав голос мужа. Зачем звонит Виктор и откуда? У нас не было телефона. Мало у кого в Праге был. Вдруг что-нибудь случилось с моей матерью?

– Все в порядке, Зузана, – успокоил меня муж, догадываясь, что я паникую. – Звоню просто потому, что мы с твоей матерью хотим, чтобы ты изменила план путешествия. Прогнозируют плохую погоду, мы против, чтобы ты летела в Прагу в метель. Ты можешь договориться о билете на поезд?

В окно я увидела дико кружащиеся снежинки в свете уличного фонаря. Вроде бы хуже не стало с того момента, как я приехала сюда, поэтому я готова была возразить Виктору. Потом я услышала, как мама просит Виктора настоять на своем, и подумала о том, какое расстояние они прошли, чтобы позвонить.

– Ну хорошо, – нехотя ответила я, ведь путь домой должен был стать вдвое дольше, а меня ждали, чтобы приступить к работе над новой записью почти сразу по возвращении. – Я спрошу в концертном агентстве, что они могут сделать.

Директор помог мне добиться от сотрудника агентства, чтобы тот поменял билет. Были и другие хорошие новости. Этот сотрудник сказал:

– Вам не обязательно возвращаться через Бухарест. Вы можете доехать на ночном поезде до венгерской границы и пересесть на другой, идущий в Прагу через Вену и Оставу. – Он нацарапал что-то на билете, поставил печать и отпустил меня.

Когда я вечером села за клавесин и, как обычно, помедлила минуту, размышляя, прежде чем заиграть, то заметила в первом ряду кое-кого из тех детей, с которыми общалась днем. Их лица, полные ожиданий, были обращены ко мне. Начав играть «Итальянский концерт» Баха, я видела, как жадно они впитывают каждую ноту, издаваемую под моими руками инструментом – слава Богу, хорошо настроенным.

Быстро забывшись в потоке музыки, я пришла в полусозерцательное состояние, как и всегда, когда дотрагивалась до клавиш. Когда бы я ни играла Баха, я чувствовала одно и то же. Его композиционные структуры поражают своей красотой. У меня скорее архитектурная, чем зрительная память, и, по мере того как выстраивается мелодия, я представляю себе здание. Я знаю, где там верхние и нижние уровни. Модуляции Баха ведут меня подобно коридорам. И я точно знаю, когда и куда мне нужно свернуть. Я инстинктивно понимаю, как все расположено. Понимаю архитектурный план, понимаю направление: коридоры ведут в комнаты, ступени – на верхние этажи, а потом мелодический финал идеально завершает всю постройку.

После того как прозвучала последняя нота, я долго прихожу в себя – и только тогда слышу аплодисменты.

* * *

КАК ОБЫЧНО, мне подарили букет, и уже за кулисами директор вручил конверт с оплатой в румынских леях. Я не имела права открыть его, у меня было строгое предписание передать деньги государственному ведомству в течение двадцати четырех часов по прибытии в Прагу вместе со всеми другими гонорарами, полученными в ходе тура, и паспортом.

Я думаю, директор в Сибиу понимал, что мне перепадет лишь небольшая часть от тех, кто контролировал гастролы, поэтому он снова горячо обнял меня: «Мы не можем заплатить вам много, товарищ Ружичкова, но, пожалуйста, не отказывайтесь, если мы снова пригласим вас. Для нас много значит приезд такого человека, как вы».

Такой человек, как вы.

Глядя в глаза директора, я задумалась о выбранных им словах. Сомневаюсь, что он знал мою историю. Полагаю, что он имел в виду то, что в их места не часто заносит кого-то из немногочисленных музыкантов, живущих за железным занавесом и при этом имеющих разрешение записывать альбомы и даже – иногда – выезжать на Запад.

Подтвердив, что вернусь, я приняла его предложение сопроводить меня позже на вокзал, ночью под усиливавшимся снегопадом. Средневековый центр Сибиу – чрезвычайно живописный район, но на окраинах города чувствовалось, что для горожан зима – еще одно в череде тяжелых испытаний. На пути к вокзалу мы обгоняли прохожих, которые были настолько бедны, что обувь им заменяли обмотки из тряпок.

Во вздымающихся клубах пара точно по расписанию, за несколько минут до полуночи, подкатил поезд. Я хотела побыстрее попасть в вагон, но у старшего кондуктора оказались иные мысли на этот счет. Посмотрев мои бумаги, он заявил, что билет недействителен.

– Ваше место забронировано из Бухареста. Мы вас посадить не можем.

Я чуть не заплакала. Я страстно стремилась в город, который стал моим после войны, я ощущала ужасную тоску по дому, по матери и Виктору. Я хотела только одного: вернуться в двухкомнатную квартиру, где на единственной кровати спала мама, а мы с Виктором занимали матрас под роялем.

– Но мне же нужно в Прагу, – возразила я, – и я не могу выбраться отсюда иначе, чем на этом поезде.

Вмешался директор:

– Товарищ, это Зузана Ружичкова, музыкант-виртуоз. Она почетный гость партии. Вы должны сделать все, что в ваших силах, чтобы помочь ей.

Это не впечатлило кондуктора. Возможно, он отказался вступить в коммунистическую партию, точно так же, как Виктор и я.

– Наверняка же в поезде найдется местечко? – взмолилась я.

– Ладно, – уступил он со вздохом. – Занимайте свободную койку в чешском спальном вагоне, но будьте готовы к тому, что в Остраве сядет кто-нибудь с действующим билетом и вышвырнет вас оттуда.

На ходу благодаря старшего кондуктора, я поспешила в спальный вагон, пока он не передумал.

Все мои силы понадобились для того, чтобы водрузить чемодан, набитый книгами, вечерними статьями, нотами и кое-какой едой, на верхнюю полку. Ростом меньше метра пятидесяти и весом меньше пятидесяти килограммов, я никогда не отличалась атлетическим сложением, что очень разочаровывало моего отца, который хотел иметь спортивного ребенка.

Усевшись на нижнюю полку с книгой моего любимого писателя Томаса Манна, я помахала рукой добродушному директору, стоявшему на платформе, окутанной паром и снегом. Когда поезд тронулся и он скрылся из глаз, я вспомнила о том, как прощалась на вокзале с директором Киевской филармонии, показавшимся мне какой-то загадкой.

Я приехала в столицу Украины поздно вечером, усталая. Прежде чем добраться до номера и что-нибудь съесть (а я всегда была голодна), я должна была отыскать директора. Он сидел за большим столом в маленькой конторе, обогревавшейся маленькой печкой. Прямо как в кино. Это был настоящий медведь в белой рубашке и черных нарукавниках. Его секретарша ютилась в углу. В комнате было жарко и нечем дышать.

– Здравствуйте, директор. Я Зузана Ружичкова, рада приехать сюда, – вежливо заговорила я и подала все формуляры, нужные для того, чтобы чиновники вычли налоги, прежде чем расплатиться со мной.

Лицо директора покраснелось. Он ткнул пальцем в документы и рявкнул:

– Это что?

– Контракт об ангажементе, товарищ, – ответила я. – Нужна ваша подпись, вы же знаете.

Не говоря ни слова, он сгреб мои бумаги и подбросил их вверх. Потом вскочил и проревел:

– Я этого не подпишу. Я отказываюсь что-либо подписывать. Я устал от этого бумагомарания, от этой духоты в конторе! – Он зашагал к двери и обернулся, только чтобы проорать: – Я уйду. Оставьте меня в покое!

Я попыталась возражать, но поймала взгляд похожей на мышью секретарши. Она покачала головой и приложила палец к губам. Дверь хлопнула. Мы услышали, собирая с полу бумаги, его тяжелые шаги в коридоре.

– Не волнуйтесь, – сказала секретарша, как если бы не случилось ничего необычного. – Я разберусь с вашими документами.

– Правда? О, спасибо!

Она положила стопку на свой стол, но едва собралась поставить печать, как дверь распахнулась, и ввалился директор с горящими глазами.

– Что вы делаете? Мы ничего не подпишем. Я запрещаю. Мне плевать, что меня уволят. У меня забастовка!

– Но без этих бумаг я попаду в неприятности и мне не заплатят!

Он вышел, не реагируя на мои слова. У меня язык отнялся. К счастью, помощница не обращала на него внимания, и через несколько минут я уже покинула контору с полностью оформленным контрактом.

На следующий вечер, когда я поднималась по широкой лестнице концертного зала, где должна была выступить, та же похожая на мышью женщина вынырнула из тени и сообщила, что директор приглашает меня на ужин после концерта.

– Что? Это после того, как он обошелся со мной?

– Он обязан пригласить вас на ужин, – ответила она. Понизив голос, добавила: – Так положено.

Ничего не оставалось, как согласиться.

Концерт прошел хорошо. А потом в ресторане гостиницы мы молча сидели с директором. Наконец он произнес:

– Я нехорошо повел себя с вами, но вы должны понять – мне нелегко приходится, потому что я еврей.

Глубоко вздохнув, я посмотрела ему в глаза:

– Я тоже.

Оглянувшись, он стал с подозрительностью изучать выражение моего лица:

– Докажите.

Я озиралась в полупустом ресторане, не зная, что сделать. На его лице не отразилось ничего, и я задрала левый рукав, чтобы показать ему татуировку, аккуратно наколотую мне в Освенциме безликим служащим в полосатой форме.

Директор возразил:

– Много у кого есть такие.

Прежде чем я успела отреагировать, он нагнулся и прошептал:

– Покажите ваш паспорт.

Я порылась в сумочке и вручила ему документ, но он был разочарован: паспорт не указывал ни на что, кроме чешского гражданства. Бросив его на стол передо мной, директор приказал:

– Скажите что-нибудь на идиш.

Я чуть не рассмеялась. Мне было тридцать три года, и, хотя я кое-что знала на иврите, я никогда в жизни не говорила на идиш. Мои состоятельные и не

слишком набожные родители водили меня в синагогу в Пльзене лишь по какому-нибудь важному случаю и на главные праздники. Мы были ассимилированной семьей, каждый год отмечали Хануку, но и Рождество тоже, со сверкающей елкой. Немногому на иврите я научилась от дедушки, распевавшего на семейных праздниках, но моими единственными знакомыми, кто говорил на идиш, стали люди из концентрационных лагерей в Терезине, Освенциме, Гамбурге и Берген-Бельзене.

Мучительно напрягая память, я закрыла глаза, и в голове всплывали слова того времени, которое я так старалась забыть.

- Meshuggeneh! - внезапно для себя самой произнесла я.

- Так, и что это значит?

- Сумасшедший?

- А еще?

- Kvetch? - припомнила я. - Кажется, это значит «жаловаться».

Он кивнул.

- А, и еще mensch, «хороший человек».

Явно удовлетворенный директор впервые улыбнулся мне, и его лицо совершенно преобразилось.

- Добро пожаловать в Киев, товарищ, - громко сказал он, протягивая увесистую лапу. - Мне не терпится познакомить вас со своей еврейской семьей.

Я думала, он шутит, пока на следующее утро, когда я уезжала из Киева, не увидела его на вокзале с огромной толпой людей, которых он гордо представил мне как своих родителей, бабушку и деда, тетю, двоюродных братьев и детей. Все они сгрудились вокруг меня, словно я была кинозвездой.

– Я привел их всех пожелать вам счастливого пути! – Провел он рукой над их головами. – Приезжайте, пожалуйста, поскорее снова.

Я действительно приехала в Киев через несколько лет, но этого директора уже не встретила. Я думаю, что его расстреляли.

ПОЕЗД пересек румыно-венгерскую границу и пополз к Вене, где его перевели на боковой путь и прицепили к современному дизельному локомотиву вместо паровоза.

По прибытии в Оставу я ожидала, что меня сгонят с койки, но, по счастью, никто не появился с билетом на мое место. Я немного почитала, перекусила, выкурила сигарету и крепко заснула – когда меня вдруг сбросило с полки.

Сначала я поняла только то, что стукнулась об пол. Потом мой чемодан полетел вниз. Я попыталась встать, но обнаружила, что вагон сильно накренился, а я слишком слаба, чтобы выбраться из-под чемодана. Не знаю, сколько я пролежала придавленная, но когда все же вывернулась, то услышала крики и скрежет металла о металл.

Следующие несколько часов я провела в болезненном наваждении. Кто-то помогал мне выйти из поезда, я упрямо настаивала на том, чтобы взяли мой чемодан. Когда наконец я была спасена, все вокруг застилал густой туман. Я вдыхала запах пламени. Повсюду валялись обломки, мне приходилось прокладывать дорогу среди битого стекла и рассыпавшихся, как спички, досок вагонов. Снег был усеян телами. Я уже не понимала, день сейчас или ночь, но похоже было, что ночь, за моей спиной зрелище крушения освещалось языками пламени.

Представители службы общественной безопасности отвели нас, немногих выживших, в нетопленое здание в близлежащей деревне, как позже выяснилось, Стеблове в Восточной Богемии. Местные принесли воды, хлеба и немного шерри-бренди, чтобы мы отогрелись. Они побежали к месту катастрофы, и мы остались одни, дрожащие, с разными степенями шока и телесных повреждений.

В какой-то момент один человек пришел позаботиться о раненых и рассказал нам, что произошло. Пассажирский поезд на полной скорости столкнулся с

нашим, было много убитых и покалеченных. Чтобы не взорвался котел паровоза, оттуда выбросили горящие угли на насыпь, и от них вспыхнул разлившийся дизель нашего локомотива, начался пожар. Народ собрался у места крушения, высвобождал раненых из-под обломков и отправлял их в больницы, находящиеся поблизости от Градеца-Кралова и Пардубицы.

Несмотря на боль в спине, я отказалась от помещения в больницу и попросила, чтобы меня отправили в Прагу как можно скорее. Я твердила: «У меня назначена важная встреча. Мне нужно домой».

Возвращение в жутких условиях заняло два дня, но в конце концов на автобусе до Градеца-Кралова, на поезде и трамвае я все-таки добралась. Катастрофа случилось примерно в 120 км от Праги, куда я прибыла ранним утром. Когда Виктор открыл мне дверь дома, он был полностью одет, в это-то время суток, и выглядел так, словно увидел призрак. Он воскликнул:

– Ты жива! – И обнял меня. Мой замечательный муж-композитор, женившийся на мне, молодой еврейке только что из концлагеря, теперь не верил своим глазам. Отступив назад и глядя на меня, он объявил: «Это возвращение с того света. Ты второй раз воскресла, Зузана!»

Я лишь кивнула, поскольку была слишком утомлена и слишком продрогла, чтобы говорить. Все мои силы ушли на подъем до нашей квартиры, боль в спине измучила меня. Медленно идя рядом, Виктор рассказал, что они с моей матерью слышали краткое сообщение о катастрофе, но власти не вдавались в детали.

Нескоро мы узнали, что высшее партийное руководство решило не говорить многого о самом ужасном железнодорожном происшествии в истории Чехии, чтобы сведения не использовали «враги социализма». Не сразу была предана огласке информация о том, что 118 человек погибли и еще более сотни ранены. Журналисты не освещали последовавшее судебное разбирательство, в результате которого выжившие машинист, кондуктор и начальник поезда попали в тюрьму, за то что не смогли правильно различить железнодорожные сигналы в тумане.

Виктору, отчаянно жаждавшему получить какие-либо конкретные известия в ночь после катастрофы, пришлось задействовать связи, чтобы хоть что-то узнать. К счастью, у одного влиятельного друга оказались знакомые на

пражском вокзале. Виктор позвонил туда и спросил, не пострадали ли спальные вагоны из Румынии.

– Да, – ответили ему, – три последних международных вагона полностью разбиты. Выживших нет.

Виктор и мама обзвонили больницы, ища меня среди пострадавших, но безуспешно. Они были особенно подавлены, думая, что изменение в планах путешествия привело к моей гибели.

Мы достигли верхней площадки, где ожидала мама, тоже в дневной одежде. Она, широко раскрыв глаза, прошептала: «Зузанка», – не в состоянии сказать ничего больше. Мы обнялись.

Уже рассвело, когда мы с Виктором улеглись на матрасе под роялем, однако я попросила его завести будильник.

– Зачем? – спросил он потрясенный.

– Мне нужно быть в концертном зале Домовина, первая запись для «Супрафона». Здание зарезервировано, и там все будут ждать меня.

Он начал спорить, но потом посмотрел мне прямо в глаза. С детства мой взгляд всегда выдавал меня. Я унаследовала эту черту от отца. Виктор знал, о чем я думаю, мне даже не пришлось озвучивать вопрос: «Что бы сделал Бах?» Муж отвернулся и завел будильник.

Я пошла лишь на одну уступку: я встала даже раньше, чем хотела, и сперва отправилась на осмотр в клинику. «У меня ушиблена спина, – сказала я врачу, добавив только: – На меня упал чемодан».

Он дал мне направление на рентген, пообещав потом сообщить результаты.

* * *

Не помню, какое именно музыкальное произведение мы записали тогда для «Супрафона», чешской фирмы, которая стала для меня лидирующей. Потом я думала, что это, наверное, было что-то из Доменико Скарлатти, итальянского современника Баха.

В моих рабочих заметках тех времен, однако, названы «Гольдберговские вариации» Баха, один из самых сложных опусов композитора, который я мечтала записать с давних пор. Сочинение заказал русский граф, который страдал от бессонницы и хотел, чтобы его клавесинист Иоганн Гольдберг играл эти вариации ночью, чтобы развлечь хозяина. Они математически совершенны и включают в себя умопомрачительное множество числовых комбинаций, о которых сам Бах сказал, что они «готовы услаждать души любителей музыки».

Я-то большого наслаждения в тот день не испытала. Но сделала все, что обязана была сделать, преодолевая боль в течение четырех или пяти часов за клавишами. Когда продюсер решил, что материала достаточно, и спросил, не хочу ли я сразу прослушать запись, я отрицательно потрясла головой.

Меня лихорадило, и я сказала ему: «Спасибо, но я очень устала после гастролей и, похоже, простудилась. Лучше я пойду домой».

Мне нужно было сдать полученную за границей валюту и паспорт. Потом, должно быть, я доехала на трамвае до нашего дома возле четырехэтажного отеля девятнадцатого века «Флора», в районе Винограды, куда мы с Виктором часто ходили пообедать, пока его не снесли, чтобы освободить место для торгового центра и станции метро. Я не помню ничего особенного до того момента, как свернула на нашу улицу и увидела машину скорой помощи у дома с распахнутыми задними дверцами. Я поторопилась и у входной двери столкнулась с врачом, которого видела утром.

– Где вы были, госпожа Ружичкова? – воскликнул он, явно возбужденный. – Мы ожидали вас.

– Почему? В чем дело? – спросила я, опасаясь за мать.

– Дело в вашей рентгеновской снимке, – объяснил врач. – Вас немедленно нужно госпитализировать.

– Но почему?

– Мой дорогой товарищ, у вас сломана спина.

Чемодан, приземлившийся на меня после моего падения на пол вагона, разбил несколько позвонков. По словам доктора, мне повезло, что меня не парализовало. Я провела последующие три недели в больнице, лежа навзничь, со строгим указанием не двигаться, а затем еще несколько недель проходила в корсете.

Величайшим счастьем было то, что повреждение позвоночника никак не сказалось на игре и, как и в 1945 году, я смогла восстановить здоровье. Болезнь не согнула меня, и я спешила домой к Виктору и маме. Еще одно чудо, за которое я благодарна, – Рождество с этими двумя людьми, которые были мне дороже жизни.

2. Пльзень, 1927

«ТРЕБУЕТСЯ нянька, умеющая петь, для шестимесячного младенца женского пола». Это объявление, размещенное моей матерью в 1927 году в пльзеньской газете, наверное, озадачило многих. Некоторые из тех, кто откликнулся, посчитали требование относительно пения пустым баловством, когда речь идет о шестимесячном младенце, но моя мать была непреклонна. Она говорила: «Ее прежняя нянька пела, и ей это нравилось».

Доказывая, что я обладала необычно рано развившимся музыкальным слухом, мать держала меня на коленях во время бесед с кандидатками и просила их спеть. Когда они не попадали в ноту, я вопила так громко, что посредством исключения мать смогла подобрать нужную няньку. Мама говорила, что моя реакция на дурное пение была для нее первым знаком, возвестившим, что когда-нибудь я стану музыканткой.

Несомненно, родители слишком баловали меня. Я была единственным ребенком в семье, и меня окружал достаток. Когда спрашивают, как бы сложилась моя жизнь, если бы не концлагерь, я отвечаю, что, вероятно, была бы невыносимым,

испорченным ребенком. Моей матери Леопольдине, или Польди, исполнилось тридцать, когда я родилась, а моему отцу Ярославу Ружичке – тридцать четыре. Их брак, по традиции, устроила еврейка-сваха, shadchen, однако он был счастливым. Я никогда не видела такой безупречной пары супругов, как мои родители, преданные друг другу.

Мама хотела изучать медицину, но вместо этого она держала лавку фарфоровых изделий в Добрише, а потом вела счета компании, изготавливавшей лаки и краски, прежде чем стать старшим секретарем на предприятии «Авто-Штадлер» в Пльзене, экспортировавшем машины. Интеллигентная элегантная женщина, воспитанная в пансионе, где она выучила немецкий, мама провела вместе со своей сестрой Эльзой довольно много времени в Вене, посещая театры, концерты и музеи. Она была очень красива, но считала себя дурнушкой, несмотря на то что несколько мужчин были влюблены в нее, включая моего будущего отца. В молодости она увлеклась братом собственного сводного брата, мужчиной старше нее и хромым. Но родители его отвергли как неподходящего жениха и наняли сваху.

Мой отец в должности лейтенанта служил во время Первой мировой войны в 35-м Пльзеньском пехотном полку и казался пруссаком, а не евреем. Его ранило в легкие. О войне он никогда не вспоминал, однако рана ограничила его возможности, особенно в спорте. Он прошел обучение в академии торговли и работал у своего отца в магазине игрушек «Грачки Ружичка» («грачки» и значит игрушки) по адресу Солны, 2 в Пльзене. К моменту знакомства с будущей женой он вернулся из Чикаго, где провел четыре года, прослужив в большом магазине «Лидер» на улицах Полина и 18-й. Совладельцами магазина были его родственники Гинзбург. Его тетка Мальвина эмигрировала в США в 1912 году и там вышла замуж за одного из Гинзбургов. Они поселились в чикагском районе, где жило много эмигрантов из Чехии и который они называли «Пльзень». Зденек Гинзбург и трое его младших братьев быстро устроились в галантерейной торговле вместе с другой семьей Оплатка, тоже родственниками. Торгуя всем, от школьной формы до одеял, ориентируясь на приезжих из Чехии, они сохранили магазин до 1970-х годов.

Имелись у них и другие дарования. Родерик Гинзбург прославился своими переводами чешской поэзии, включая поэму «Май» Карла Гинека Махи, тирольские элегии Карела Гавличека и стихи Яна Коллара. Его брат с женьбой вошел в семью видных политиков. Они все демонстрировали такое дружелюбие к чешскому кузену, что мой отец был весьма доволен своим пребыванием в

Чикаго, хотя ему и пришлось начать с работы на складе, изучая, как функционирует многопрофильный магазин.

Ему так понравилось в США, что он бы, наверное, остался там навсегда. Но его отец заболел и попросил старшего сына взять на себя управление пльзеньским магазином вместе с младшим братом Карелом. Ярослав возвратился без большой охоты, научившись за четыре года бегло говорить по-английски и хорошо усвоив американские принципы коммерции. Тогда-то его и представили моей будущей матери, и он женился на ней в 1923 году. Теща в качестве свадебного подарка уступила им кухарку Эмили, которая потом заботилась о всех нас. Через четыре года, 1 января 1927 года, родилась я. К тому времени бабушка подготовила горничную для матери, а потом – гувернантку для меня. Мне дали имя Зузана Эва Мириам. Зузана – так по-чешски звучит имя Сусанна, что на иврите значит «лилия», мои родители услышали это имя в фильме, который они смотрели, когда мама была беременна мной. Эвой звали любимую двоюродную сестру, а Мириам – это просто мое еврейское имя. Однако Зузана было не слишком употребимым, из-за него семья моей матери подняла шум. Моя бабушка была расстроена и написала маме: «Зузи ты могла бы назвать собаку».

Хотя мой отец был убежденным патриотом, мне кажется, если бы не долг перед семьей, он не вернулся бы из Америки. Дядя Карел дезертировал из австро-венгерской армии во время Первой мировой и вступил в ряды Иностранного легиона в Италии. От моего деда оба научились торговому делу, если и не унаследовали его изобретательной пылкости. Мой дедушка по отцу, носивший длинные седые волосы до плеч и кепку, прославился тем, что тематически оформлял витрины в соответствии с разными случаями. Однажды на день Святого Николая он избрал темой ад, чертей и адское пламя. В другой раз расставил там модели поездов. Какую бы тему он ни выбирал, витрина всегда привлекала множество детей. По сейчас я встречаю тех, кто вспоминает, как в детстве стоял, припав лицом к стеклу, у окна магазина Ружички.

Внутри продавалось все, что детской душе угодно, – коньки, куклы, мячи, волчки и самокаты. Когда руководство перешло к моему отцу, он применил чикагский опыт и открыл новую секцию с отдельным входом, где продавались перчатки, зонтики, туфли, постельное и прочее белье, ювелирные изделия, осветительные приборы, так что покупатели могли тут же на месте обзавестись всем, в чем они только ни нуждались. У меня есть старая фотография витрин, сверху донизу заполненных различными товарами.

Мой отец думал и о рекламных слоганах в американском стиле вроде «Не забудьте про Ружичку!» Он размещал их в здешних газетах и занял видное место среди городских коммерсантов. Бизнес стал процветать, оптовые продавцы толпами шли к отцу, предлагая свои товары. У меня никогда не было интереса к куклам, но мне нравилось все блестящее, особенно бижутерия.

Мама помогала в магазине и вела счета. С благословения супругов и свекра она и жена дяди Карела Камила решили сделать нечто необычное для женщин того времени: они открыли собственный магазин «Филиалка» (то есть филиал) на Клатовске Тржиде в другом районе города. Им они занимались самостоятельно и преуспели. Жены соревновались с мужьями, между магазинами возникла здоровая конкуренция, поскольку мой отец был доброжелателен к ним и поддерживал их в этом начинании.

Мы трое были очень счастливы и баловали друг друга задолго до того, как это вошло в моду, особенно мать, хотя она много тревожилась и обычно выглядела опечаленной. Родители часто работали допоздна, но, вернувшись домой, сосредотачивали все внимание на мне, обо всем расспрашивали и только портили меня.

Я росла с английской и немецкой гувернантками, в трехязычной среде, где пользовались чешским, немецким и английским и легко переключались с одного языка на другой. Возможно, из-за того что родители отсутствовали по целым дням, я стала немного невротичным ребенком и страшно беспокоилась, что со мной что-нибудь случится. Мать в свою очередь слишком оберегала меня и хотела бы завести еще ребенка, но отец пессимистично смотрел на ситуацию в мире в тридцатые годы и потому не желал, чтобы еще одно его чадо подверглось угрозам тогдашнего времени.

Его упрямство спасло нам жизни, потому что с младенцем в семье мы бы угодили прямым в газовую камеру, что и случилось с некоторыми нашими родственниками.

Я НЕ СТРАДАЛА от того, что у меня не было брата или сестренки, потому что их заменяла кузина Дашенка, чье полное имя звучало Дагмар. Мы были неразлучны. Всего на месяц младше меня Дашенка была старшим ребенком у дяди Карела и тети Камилы. Мы одинаково одевались с Дагмар, ходили в одну и ту же школу,

где все учителя нас звали Зузи и Дагмар, «девочки Ружички». Кроме того, мы вместе проводили выходные, катаясь на лыжах зимой с родителями или на велосипедах летом в горах Крконоше.

Дагмар, ее родители и младший брат Милош, или Милошек, жили в квартире на третьем этаже рядом с нами, по адресу Плахего, 4, в центре Пльзеня. Из окна спальни я могла посмотреть через двор в окно комнаты Дагмар. Каждое утро, распахнув ставни, мы радостно кричали друг другу: «Доброе утро, кузина! Ты идешь?»

Из другого окна я видела мамин магазин, откуда она махала мне с порога, когда закрывала его в шесть часов. Потом мы прогуливались вместе в общественных садах вокруг синагоги до места работы отца, чтобы там он присоединился к нам. Часто он уже встречал нас на полдороге на велосипеде, и я испытывала счастье от того, что вся семья в сборе. Мне давали пять крон карманных денег, и мы шли вместе в мой любимый магазин «Малы Гласател» («Маленький вестник»), чтобы купить забавку мне и цветы для мамы.

Меня, как любопытного ребенка, интересовало все, в особенности самолеты, и в шесть лет я объявила, что, когда вырасту, стану пилотом. Затем меня увлекли книги, и я вознамерилась стать писателем. А Дагмар обожала природу и животных, поэтому рано решила стать врачом-ветеринаром. У нее был котенок Эвинка, а у меня тропические рыбки в аквариуме, одна с веерообразным хвостом, которая звалась Веер Леди Уиндермир, по названию нравившейся мне пьесы Уайльда. Еще у меня была канарейка Джерри, носившая это имя в честь отца – Ярослава. Но, по-моему, Дагмар канарейка занимала больше, чем меня.

Отец побуждал нас изучать английский язык с ранних лет, читая нам «Питера Пена», «Винни-Пуха» и «Алису в Стране чудес». Дагмар обожала Винни-Пуха и мечтала завести ослика Иа-Иа. Языки ей давались труднее, чем мне, поэтому дорогой папочка терял терпение, и она в конце концов перестала заниматься вместе со мной. Тогда отец начал учить меня английскому самым замечательным образом. Он просил выписывать каждое новое слово, попадавшееся при совместном чтении, и говорить ему, что оно значит, при его возвращении домой. Если у меня не получалось ответить, мы не читали дальше, поэтому у меня был сильный стимул запоминать.

Мама всегда выглядела очень элегантно, и это впечатляло меня. Мне нравилось, что она всегда прекрасно одета. Местная портниха шила для мамы и нас

великолепные платья, и мы с Дагмар часто носили одинаковые, хотя у мамы были специально для нее и меня особые, сочетающиеся наряды матери и дочери. Еще нам нравилось ходить в костюмах. Однажды я нарядилась в Чио-чио-сан из «Мадам Баттерфляй», используя для этого мамин купальный халат с хризантемами и тюрбан. В другой раз я была Матой Хари, а в школьной постановке – женщиной-почтальоном в униформе.

Мой отец был искусным фотографом-любителем. В маленьком помещении у нас дома он завел темную комнату для проявки многочисленных фотографий, которые, по счастью, сберегли во время войны друзья и которые я до сих пор храню. Моя любимая – та, где мы с Дагмар в костюмах полевых цветов позируем по случаю школьной постановки «Матери-земли». Я играла в пьесе незабудку, а она – маргаритку. Господи, как же мы любили наряжаться!

В моем раннем детстве наш дом наполняла музыка. Кухарка Эмили пела мне старые народные песни про детишек и волков, а отец играл на скрипке и пел прекрасным баритоном. У нас не было своего фортепьяно, однако мама играла при возможности в гостях, и я любила смотреть, как ее руки летают над клавишами. Вся наша семья пела с рассвета до заката, с того момента, как отец утром брился, и до колыбельных вечером. Все, что я слышала, я запоминала и могла воспроизвести. У отца был тонкий слух, и он всегда говорил мне, если я фальшивила.

Папа научил меня песням на разных языках, даже на русском, но больше всего на чешском и английском. Я помню, как заучивала London's Burning, My Bonnie Lies Over the Ocean и забавный стишок My Mother is Full of Kisses. Там были строчки: «Поцелуй, когда я просыпаюсь, и еще поцелуй перед сном, поцелуй, если я обожглась, если стукнулась головой».

Но больше всего я любила старую американскую песню «Серебряные нити» с такими стихами: «Милая, я старею, В золоте волос серебряные нити... Жизнь так быстро проходит... но ты, моя милая, будешь всегда для меня молодой и прекрасной».

Если я бы услышала эту песню сейчас, я бы, наверное, расплакалась.

* * *

Большим событием для нас стала покупка радио. Увы, меня оно напугало, и я убежала с криком, когда его включали. Жалуясь на то, что звук слишком громок, я отказывалась войти в комнату, где его поставили.

Мама отвела меня к педиатру, который осмотрел меня и объявил, что все в полном порядке со слухом. Он сказал маме: «У вас дома слишком тихо. Может, вам с мужем надо побольше ссориться?»

Папа придумал историю, чтобы я преодолела страх перед радио. Ее героями были Антенна и Амплион, а сюжетом – их приключения в ящике из красного дерева. Он сочинил еще забавную сказку о соловье, который попытался научить корову и гуся пению. Отец был человеком хорошо образованным, занятие торговлей не приносило ему полного счастья. По-моему, он бы с большим удовольствием продолжил учебу и играл бы на скрипке. Будучи интровертом по природе, отец занимался в прошлом философией и обладал политическим кругозором. Но, как старшему сыну владельца магазина, ему не пришлось выбирать – он не мог вести жизнь интеллектуала, а обязан был прилагать все усилия к тому, чтобы процветало семейное дело. Втайне он намеревался, накопив достаточно денег, продать или уступить магазин младшему брату, когда ему самому будет лет пятьдесят, и построить дом своей мечты, виллу с теннисным кортом. Мы часто обсуждали эти планы и говорили о том, как он соберет для меня приданое всем на зависть.

Почти каждую ночь он читал нам с матерью. Иногда это были статьи из английских и американских газет, присланных ему родственниками. Газеты приходили к отцу с опозданием, и все же в них предугадывалось достаточно много еще не свершившегося. Я погружалась в комиксы, когда он читал новости.

Еще ему нравилось читать нам сказочные рассказы Редьярда Киплинга или куски из захватывающей «Войны миров» Герберта Уэллса. На полках в обширной библиотеке отца стояли самые разные книги. Особенно мне нравилось слушать «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, они завораживали меня своим ритмом. Похоже, хорошим чувством метра и ритма я обязана доброму еврейскому лавочнику, читавшему мне, маленькой девочке, античные сказания.

Папины родители мало подходили друг другу по темпераменту, однако их супружеские отношения были, как ни странно, гармоничными. Мой дед по отцовской линии Йиндржих, непоколебимый чешский патриот, родился в Пльзене, но много лет прожил в Вене, где основал отделение «Сокола»,

атлетического движения, следовавшего принципу «Здоровый дух в здоровом теле». Участники «Сокола» носили красивые униформы и ходили с цветными флагами, стремясь пробудить чешский патриотизм. В начале 1900-х годов деда выслали из Вены за участие в этой организации, сыгравшей потом, между двумя войнами, немалую роль в развитии чешского национализма. Нацисты жестоко подавили это спортивное движение, а связь с ним деда добавила им причин преследовать нас.

С высылки деда из Вены в семье уже не пропадали антиавстрийские настроения и закрепилась неприязнь к Австро-Венгерской империи. Мои родственники были возмущены и подъемом Национал-социалистической немецкой рабочей партии, то есть нацистской, с ее лозунгом «Одна страна, один народ, один фюрер» и гнусными антисемитскими идеями.

Вернувшись в Пльзень после болезненного опыта, полученного в Вене, дед женился на моей будущей бабушке Пауле, происходившей из семьи богатых пражских коммерсантов. Один за другим у них родилось пятеро детей, и каждому дали гордое чешское имя. Старшей была Власта, затем мой отец Ярослав, за ним Иржина и Здена и последним Карел. Ни одна из сестер отца не вышла замуж за еврея, поэтому их положение было иным, и от этого зависело, кто насколько быстро очутился в концлагере во время Второй мировой войны.

Поначалу дед, приехав в Чехословакию из Вены, занялся экспортом и импортом железа, а потом начал продавать игрушки в магазине, который ему так нравилось украшать. Страсть к спорту и здоровому образу жизни осталась у него на всю жизнь, а еще он, большой любитель природы, проводил свободное время в музее естественной истории и в лесах, наблюдая там за птицами, отыскивая дикорастущие цветы или ловя бабочек. Он ездил на велосипеде вместе с нами и Дагмар в деревню Швигов, где каждое лето наслаждался простой сельской жизнью. Мы посещали тамошний готический замок, поднимались на насыпь, гуляли в лесу, слушая рассказы деда про растения и животных. Именно он подал Дагмар мысль стать ветеринаром.

Бабушка Паула, наоборот, любила шумную городскую жизнь, ей нравилось путешествовать, она увлекалась культурой и музыкой. Они с дедом были самой прекрасной парой, потому что все свои трудности они разрешали наиболее разумным образом. Вместо того чтобы сидеть дома в окружении пяти детей, бабушка отправлялась летом в Ниццу и проводила там время с друзьями. Она посылала нам первые фиалки и возвращалась помолодевшая, привозила с собой

экзотические лакомства. Музыка она любила самую разную и поощряла интерес к ней у детей и внуков. Ее дочь Власта, моя тетка, пела чудесным альтом и хотела стать профессиональной певицей. Власта исполнила партию Гаты в первой постановке комической оперы Сметаны «Проданная невеста» в Париже, но для нее, дочери известных родителей, оказалась невозможной дальнейшая театральная карьера, поэтому она, покинув лоно семьи, вышла за человека по имени Арношт Карас. Из-за того, что ей пришлось бросить пение в театре, она осталась несчастной и ожесточенной на всю жизнь, продлившуюся недолго.

Я называла Паулу «Бабичка» («Бабушка»). Хотя сама она музыкой не занималась, но часто брала меня в театр. Сперва, с шести лет, на детские утренники, потом на оперетты и балеты, позже на оперы, среди которых первой стала «Кармен», которую я тогда обожала за музыку и патетичность. С нами ходила и Дагмар, а еще наша кузина Эва Шенкова. Нам нравилось абсолютно все.

Бабушка была связана с несколькими благотворительными организациями, среди них – Общество чешских дам и девиц и фонд поддержки бедных еврейских студентов. Она помогала Ассоциации камерной музыки устроить сезон скрипичных квартетов, а Квартету Колиша – исполнить цикл бетховенских симфоний. Каждый год мы абонировали семейную ложу на Весенний оперный фестиваль. Меня пленяло зрелище того, как музыканты извлекают прекрасные звуки из своих инструментов, и у меня возникло в конце концов настойчивое желание тоже стать музыканткой.

Меня настолько опьяняло предвкушение каждого нового исполнения, что я почти заблевалась от восторга и, входя в ложу, просто забывала дышать.

НЕСМОТРЯ НА ТО, что моя мать происходила из религиозной, пускай и неортодоксальной, иудейской семьи, мы особенно благочестивыми не были. Ее отец пел на иврите во время Пасхи и в вечер Седера, но никто из нас не придерживался правил кошрута и не говорил на идиш. Зато все употребляли чешский и немецкий языки. Мы были совершенно ассимилированными.

Отец не жил в Вене и не слишком хорошо знал немецкий, ему было не по душе, что чешские евреи говорят по-немецки в кафе, ведь он думал, что это отделяет их от прочих жителей Чехии. Он был убежденным атеистом, никогда не закрывавшим магазин в субботу, однако он и не нападал на скромную веру моей

матери.

Когда мать шла в синагогу в Йом-Кипур, отец приносил ей туда цветы. Наша домохозяйка Рези, которую называли Эмили и которая была чешкой и пылкой католичкой, напоминала отцу: «Вы должны отнести цветы Мадам Ружичковой». А когда он выходил с букетом из дому, она бежала за ним вдогонку со словами: «Господин Ружичку, вы же не надели шляпу!» Отец совсем не знал еврейских обычаев, но любил маму и поэтому отправлялся в синагогу.

Для меня, подраставшей тогда, почти ничего не значило то, что я еврейка, я не думала, что чем-то отличаюсь от других, хотя и ходила с матерью в синагогу на важнейшие праздники. Так же обстояло дело и с Дагмар. Родители предоставили нам полную свободу, в том числе и религиозную, и не пытались ни к чему нас принуждать. Поскольку мне доставляли удовольствие любые торжественные церемонии, мне нравилось бывать в синагоге в Йом-Кипур или на Рош-Ха-Шану, но только там я и сталкивалась с какими-либо проявлениями еврейства. Я всегда любила музыку, но эта страсть не имела отношения к вере, и я в не меньшей степени увлекалась Древними Грецией и Римом с их мифологией, полной богов.

Я даже участвовала в католических процессиях на праздник Тела Христова и подошла под благословение епископа, принеся кувшин пионов к алтарю. Он дал мне картинку на священный сюжет, сохраненную мной до сих пор. Причаститься облаткой, представляющей «тело Христово», было величайшей радостью для меня. Любопытно, что тогда в республике Мазарика никому в голову не приходило сказать: «Ты не наша, ты еврейка», – хотя всем было прекрасно известно, что Ружички – евреи. И родители никогда не говорили мне, что я не должна участвовать в этих обрядах. Мы принадлежали к одному сообществу, считавшемуся бастионом социал-демократии, и я была допущена повсюду. Всюду царствовали терпимость и демократизм.

Дагмар и я пошли в местную школу – «Цвишну школу» на улице Коперника – в один день. Хотя мы учились в одном и том же классе, между нами не было соперничества. Школа пользовалась хорошей репутацией из-за высокой квалификации педагогов, и нас обучали всему: языкам и искусствам, классической литературе и математике. Из-за врожденной гиперчувствительности к шуму, обнаружившейся в ту пору, когда пряталась от радио, я часто сидела в учительской, в тишине. Моя голова раскалывалась от слишком резких звуков.

У всех учеников были занятия по вероисповеданию. Это означало, что мы с Дагмар ходили в прекрасную пльзеньскую Большую синагогу, вторую по величине в Европе, к замечательному старому раввину. Католики и протестанты посещали занятия в своих церквях. Родители не настаивали на том, чтобы я изучала иудаизм, но мне полюбились наши уроки с рабби и нравилось, как он все объяснял, рассказывая притчи, словно волшебные сказки. А самое лучшее заключалось для меня, с моим чувствительным слухом, в том, что на этих занятиях было тихо – всего пять-шесть учеников, а в обычном классе сидело двадцать или больше.

Лично я была лишь чешской девочкой, наставляемой в иудейской вере, вот и все. Я не испытывала гордости от того, что я еврейка, и не считала себя «избранной». Я никогда не думала, что меня могут преследовать за это, не сталкивалась сама с антисемитизмом ни разу и не видела, чтобы кто-то другой страдал от него. После уроков религии Дагмар и я присоединялись к другим детям, и вместе мы отправлялись в парк, купались в озере, и никто не придавал значения национальности или вероисповеданию.

ВСЕ МОИ детские воспоминания счастливые. И я думаю, что после такого детства любой может пережить что угодно в последующей жизни – ничто не разрушит заложенных основ.

Мама иногда говорила, что, когда делаешь лимонад, сначала кладешь сахар, а потом лимон. А если сделать наоборот, то вкус будет кислым. И это очень верная метафора человеческой жизни, потому что сладость остается навсегда, если попробовал ее раньше, чем горечь.

К счастью, родители любили друг друга, и эта любовь распространялась на меня. Среди моих лучших, самых ярких воспоминаний – летние месяцы, когда мы каждый год по две-три недели проводили в Добржише, в восточной Богемии. Там жила большая часть семейства моей матери, члены крупной и влиятельной еврейской общины. Мама была младшей среди братьев и сестер, потому что ее брат Йозеф, или Пепа, родившийся позже нее, покончил с собой после Первой мировой войны. Он изучал химию в Праге вместе с друзьями – Максимилианом Факторовичем (польским косметологом Максом Фактором) и будущим дирижером Вальтером Зюскиндом. Вернувшись с войны, он не сумел свыкнуться с мирной жизнью после окопов, не перенес разрыва любовных отношений и убил

себя. Об этом редко говорили в семье.

Мой дед Леопольд был совладельцем компании «Шварц и Ледерер». В ней работали жены шахтеров и металлургов: они шили перчатки из привозной кожи, которые продавались в магазине деда. В Добржиче его держали чуть ли не за местного аристократа, мою бабушку Зденку Флейшманову все весьма уважали. Она и ее многочисленные братья и сестры осиротели во время эпидемии, кажется, испанского гриппа, и она заботилась о младших, как мать. Их спасли три их дяди, которые были музыкальным трио, певшим в синагогах по всему миру. Эти три дяди, светловолосые и голубоглазые, популярные и богатые, посылали деньги домой племянницам и племянникам, и бабушка никогда не забывала об их доброте. Даже повзрослев и растя собственных детей, она, случалось, отправляла врача к больному деревенскому ребенку или отдавала корзинки с едой беднякам, не спрашивая у них, кто они такие.

В четырнадцать лет Зденка была очень красивой юной девушкой. Она часто показывалась в лавке зеленщика. Там мой будущий дед работал приказчиком, и она обворожила его – не только локонами, но и теми заботами, которые она расточала близким. Он обещал ей, судя по рассказам, что дождетсЯ, когда она повзрослеет, и дождался: они поженились, когда Зденечке исполнилось восемнадцать.

Дед и бабушка отмечали все еврейские праздники, в субботу у них всегда накрывался чудесный стол, покрытый белой скатертью, с серебряными канделябрами. Бабушка готовила вкусный хлеб-халу. Запах теплого теста, свекольного супа и жареных цыплят переносит меня прямоком в те дни. Но что я больше всего любила в их доме, так это уставленный книгами кабинет деда, настоящую пещеру Аладдина с сокровищами, в которой он сидел и курил трубку. Эту трубку он позволял мне разжечь для него.

Добржич был моим вторым домом, потому что там жили многие наши родственники. Тетя Ружена владела там большим городским домом и проводила спиритические сеансы вместе с тамошними интеллектуалами. Другая тетя, Гермина, и ее муж Эмиль жили рядом, с двумя сыновьями – Ганушем и Иржи. Гануш был на четыре года старше меня и стал моей первой любовью, хотя явно предпочитал мне игрушечных солдатиков. Меня очень огорчило, когда мама объяснила мне, что нельзя выходить замуж за двоюродного брата.

Гордостью Добржича был дворец в стиле рококо, принадлежавший австрийскому графу из рода Коллоредо-Мансфельд. Благодаря семейным связям с управляющим дворца мы с кузенами и друзьями заполучили ключ от калитки в задней стене усадьбы и могли гулять там. Я была единственной девочкой среди них. Мы наслаждались играми в этом сказочном царстве. Графиня, прежде парижская модель, разбила парк как маленький Версаль, с цветочными клумбами и розовыми кустами. Еще она была огородницей и пыталась убедить местных жителей есть больше свежих овощей. Нас, детей, пускали только в английский сад, похожий на лес, с лужайками диких цветов, но мне, выросшей в городе, блуждания в этом саду, где я могла срывать плоды с деревьев, казались волшебным сном.

Я была совершенно счастлива тогда.

ЛЕТНИЕ ДНИ на свежем воздухе казались фантастическими, но они стали еще и просто необходимыми для моего здоровья. В шесть лет у меня начались проблемы с грудной клеткой, мне грозила инвалидность. Больше всего омрачалось мое детство именно этим, с шести до двенадцати лет я постоянно болела то бронхитом, то гриппом. Потом мне удалили гланды, от чего стало только хуже, я совсем ослабела.

Мои родители, работавшие целый день, наняли няню по имени Карла, деревенскую девушку, прекрасно мне подходившую, так как она была очень музыкальна. Мы с ней пели народные песни и арии, и я все сильнее хотела изучать музыку. Но у Карлы начался туберкулез, и ее послали в санаторий. Затем начала кашлять я и вслед за мной Дагмар. К тому же я была худышкой, а по тогдашним модам девочкам полагалось быть полноватыми. Люди часто отпускали замечания на мой счет и не стеснялись вслух спрашивать, не больна ли я чахоткой, той болезнью, что тогда пугала больше других, потому что приводила к смерти.

Мать, которая сама всегда хотела быть врачом, тоже опасалась худшего и, не мешкая, отвезла меня в Прагу. Все в семье называли ее сумасшедшей, убеждая, что мы кашляем нарочно. Они напоминали, что Дагмар выглядит здоровой, пухленькая и розовая, поэтому не может быть, чтобы она страдала туберкулезом. Но в Праге мне сделали рентген, и выяснилось, что я больна. Легкие Дагмар так никогда и не проверили.

После одного особенно острого приступа в 1935 году маме посоветовали свозить меня на полгода в санаторий в Брайтенштайне в Австрийских Альпах у перевала Земмеринг. Ужасно худую, меня закутывали в одеяла и заставляли целыми днями лежать в постели между сеансами лечения паром, от которых у меня краснело лицо и морщинулась кожа. Моя тарелка всегда была полна зеленых овощей, которые я не выносила. Однако пребывание в санатории спасло мне жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.com/holden_vendi/sto-chudes

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)